

20. Компетентнісний підхід у сучасній освіті : світовий досвід та українські перспективи / Н. М. Бібік, Л. С. Ващенко, О. І. Локшина та ін.; заг. ред. О. В. Овчарук; МОНУ. – К. : К.І.С, 2004. – 112 с. – (Бібліотека з освітньої політики).
21. Коростылёва Л. А. Уровни самореализации личности / Л. А. Коростылёва // Психологические проблемы самореализации личности. – СПб. : С.-Петербург. гос. ун-т, 2000. – Вып. 4. – С. 21-46.
22. Коростылёва Л. А. Особенности стратегий самореализации и стили человека / Л. А. Коростылёва // Психологические проблемы самореализации личности. – СПб. : С.-Петербург. гос. ун-т, 2000. – Вып. 4. – С. 47-61.
23. Князева Е. Н. Законы эволюции и самоорганизация сложных систем / Е. Н. Князева, П. П. Курдюмов. – М. : Наука, 1994. – 394 с.
24. Кремень В. Г. Освіта і наука в Україні : інноваційні аспекти. Стратегія. Реалізація. Результати / В. Г. Кремень. – К. : Грамота, 2005. – 448 с.
25. Култаева М. Футурологічні розвідки сучасної філософії освіти: теоретичні побудови та проблеми їх здійснення / М. Култаева // Філософська думка. – 2002. – № 4. – С. 74-89 ; 2002. – № 5. – С. 59-74.
26. Милтс А. А. Гармония и дисгармония личности: Философско-этический очерк / А. А. Милтс. – 2-е изд. – М. : Политиздат, 1990. – 222 с.

Горбань А.В.

УДК 130.2:316

ИДЕЯ ГРАЖДАНСКОГО ОБЩЕСТВА В СОВРЕМЕННЫХ УСЛОВИЯХ НЕСТАНДАРТНОГО ВЫБОРА XXI ВЕКА

Контуры современной концепции гражданского общества определяются как социально-философскими теориями, так и идейно-политическими доктринами [1, с. 5-9].

Современное состояние и развитие социального мира начала XXI века определяется характером взаимодействия между «системным» и «жизненным» началами. Если в традиционном обществе преобладает устойчивое, равновесное состояние этих двух начал, а их взаимодействие опосредуется при помощи семейно-родственных и общинных связей, которые оказывают на них стабилизирующее воздействие, то в современном обществе взаимодействие жизненного мира и системы коренным образом изменяется.

В процессе эволюции общества происходит не только дифференциация жизненного мира, в ходе которой возрастает его рационализация, но и дифференциация системы. Для того чтобы укоренить системные механизмы в жизненном мире, необходима их новая институализация, требующая эволюции морали и права.

В современном обществе традиционная культура и общинные отношения уже не могут играть роль сдерживающего фактора по отношению к противоречиям между системным и жизненным мирами. Одной из наиболее общепринятых характеристик современного общества является его восприятие исключительного в качестве рационального. Э. Гидденс выделяет институты модерна как институты исторического периода: капитализм, индустриализм, всеподнадзорность, нация-государство и военная сила [2, с. 41]. При таком подходе современное общество предстает в качестве «неотрадиционного» социального порядка, отличительными особенностями которого становятся рациональность, инновации и динамизм.

Дифференциация и развитие экономической и научно-технической сфер системного мира обостряют его противоречие с жизненным миром, который вытесняется на периферийную сферу. Происходит его своеобразная «колонизация». Чрезмерная рационализация жизненного мира, приводит к росту отчуждения и самоотчуждения людей. Как отмечает Ю. Хабермас, «разъединение системы и жизненного мира отражается внутри современных жизненных миров, прежде всего как овеществление: общественная система окончательно разрывает горизонт жизненного мира, высвобождая его от предположения коммуникативной практики...» [3, с. 258]. Отмеченная ситуация актуализирует потребность в появлении более эффективных опосредующих механизмов, регулирующих взаимоотношения системы и жизненного мира в современном обществе.

Формальная рациональность индустриального общества разрушает естественно сложившиеся социальные и культурные «защитные» механизмы жизненного мира. Она проникает в сферу межличностных отношений и повседневных действий. Следствием этого является рост напряженности и конфликтов в современном обществе, которые из области экономики и политики перемещаются в область культуры, затрагивая жизненные ценности и ориентации людей.

Определенной реакцией на это становится появление разнообразных социальных движений и ассоциаций, которые пытаются предотвратить или смягчить системную колонизацию жизненного мира. Ю. Хабермас называет такие ассоциации и движения автономными и описывает механизм их возникновения следующим образом: «Автономными я называю такие объединения общественности, которые не производятся и не содержатся политической системой ради получения легитимации. Спонтанно возникающие из микрообластей повседневной практики центры сгущения коммуникации могут развиваться в автономные объединения общественности и стабилизироваться как самостоятельные формы intersубъективности лишь в той мере, в какой потенциал жизненного мира используется ими для самоорганизации ...» [4, с. 422-423].

Гражданское общество не только защищает сферу жизненного мира от притязаний системы, но и открывает каналы активного влияния повседневной неполитической активности человека на системные структуры. По мнению Ю.М. Резника, оно «берет на себя функцию трансляции новых социальных форм и культурных образцов, зарождающихся внутри жизненного мира и обладающих высоким адаптационным потенциалом» [5, с. 112]. Это позволяет обновлять экономические, политические, правовые и иные структуры системного мира и повышать их жизнеспособность.

Эту тенденцию фиксирует Э. Гидденс, говоря о том, что фундаментальной характеристикой, отличающей общество модерна, является внутренне присущая ему рефлексивность. «Рефлексивный мониторинг» - это постоянное отслеживание индивидом своих действий, действий других людей, а также физических и социальных условий действия.

Возрастающая рефлексивность социального действия придает новые черты процессу институционализации, что увеличивает активность и самостоятельность социальных агентов, позволяя им, тем самым, стать членами гражданского общества. Благодаря рефлексивности социальных действий в гражданском обществе преобладают «горизонтальные» связи и коммуникативные действия, ориентированные на взаимопонимание и достижение согласия между ними.

Рефлексивные отношения позволяют социальным агентам понять социальные структуры как совокупность их собственных повседневных практик. Это перемещает социальный конфликт из сферы противостояния системы и жизненного мира в плоскость внутрисубъектного пространства личности. Теперь он выглядит как конфликт между потребностями личности и возможностями их реализации в системном мире или посредством него.

Вместе с возрастанием ответственности личности за свои действия расширяется сфера ее индивидуальной свободы. К. Поппер, характеризуя человека как члена гражданского общества, отмечает его способность принимать личные ответственные решения. «В нашем образе жизни, - разъясняет Поппер, - между законами государства, с одной стороны, и табу, которые мы привычно соблюдаем, с другой, существует постоянно расширяющаяся область личных решений, с ее проблемами и ответственностью. И мы знаем важность этой области. Личные решения могут привести к изменению табу и даже политических законов, которые более уже не представляют собой табу» [6, с. 217-218].

Существуют различные трактовки гражданского общества, представления о его структуре, функциях, его социальном пространстве и его будущем. Отмечая лексические особенности проблематики гражданского общества, следует отметить, что само по себе выражение гражданское общество в его латинском (*societas civilis*) и греческом (*koinonia politike*) вариантах существует с античных времен и связано с фигурой гражданина (*civis, polites*). Совокупность таких граждан как раз и образует гражданское общество, которое противопоставит как деспотии, так и сообществам варваров.

Возникновение такого общества связано, как утверждали Аристотель и Платон, с появлением свободного, экономически независимого гражданина как самостоятельного и политического фактора, обладающего определенным комплексом прав и свобод, и наделенного обязанностями и ответственностью перед обществом за свои действия.

Традиционное понимание гражданина и гражданственности ведет к трактовке гражданского общества как общности, солидарности людей, сплачиваемых необходимостью противостояния внешней угрозе варваров, завоевателей-кочевников, стихиям природы. Общность людей оказывается, тем самым, замкнутой, самоидентифицируясь и самоподтверждаясь на основе жесткого противопоставления «свой – другой». Процесс самозамыкания может получить свое продолжение и новое качество самоорганизации, когда дихотомия «свой – другой» превращается в активную дихотомию «свой» – «чужой», с тенденцией его трансформации во врага. Однако будет ли общество, сплоченное на такой основе, называться гражданским? Очевидно, что это общество, в той или иной степени, становится авторитарным, иерархически организованным, демонстрирующим отчуждение индивида не только от других, но и от самого себя.

В результате своего длительного становления и развития гражданское общество сложилось как «система независимых от государства общественных институтов и отношений, которые призваны обеспечить условия для самореализации отдельных индивидов и коллективов, реализации частных интересов и потребностей» [7, с. 30]. Гражданское общество включает различные социальные образования от семьи до местного самоуправления, включая институт церкви, которая отделена от государства, оппозиционные политические партии, профсоюзы, ассоциации по интересам (бизнес-клубы), некоммерческие организации. При всех отличиях гражданского общества от государства, одно с другим тесно связано. Так, например, победившая на выборах политическая партия фактически перемещается в сферу государственности (и наоборот, покидает последнюю, становясь оппозицией, то есть частью гражданского общества). Такая точка зрения подтверждает, что гражданское общество не столько обособляется от государства, сколько пытается формировать его в соответствии со своими ценностями и интересами. Речь идет о динамике политической системы и политической организации общества, процессах диффузии и естественного взаимозамещения.

Различие подходов к определению дефиниции «гражданского общества» позволяет проследить политологический, социологический и социально-философский дискурсы этого понятия. Так, политологический дискурс характеризует гражданское общество как социальный демократический организм, представляющий собой совокупность неполитических отношений (экономических, национальных, духовно-нравственных, культурных), огражденных законодательством от регламентации их функционирования и развития со стороны государственной власти. Гражданское общество в этом смысле

представляет собой воплощение и отражение конкретно-исторического уровня развития народовластия, гражданственности людей, степени достижения контроля их за деятельностью государства и его органов. В данном определении затрагивается правовое поле существования анализируемого концепта.

Что касается взаимодействия с государством, то гражданское общество рассматривается либо как развивающееся параллельно с государством и формирующим его в соответствии со своими ценностями, либо утверждается мысль о том, что гражданское общество призвано контролировать деятельность государства и его институтов.

Социологический дискурс выделяет гражданское общество как определенный общественный строй, организация семьи, сословий или классов, официальным выражением которого является политический строй, основанный на развитой системе гражданского права. Однако, следует отметить недостаточную проработанность понятия «гражданское общество» в современных социологических теориях. Во многих из них всего лишь констатируется, что в принципе гражданское общество как сфера человеческой самодетельности должно быть свободно от произвольного вмешательства государственных органов.

Социально-философский дискурс рассматривает гражданское общество как социальную систему, в которой функции целого осуществляются через взаимодействие автономных индивидов, граждан, с учетом размерности их бытия, их прав, обязанностей, возможностей и интересов, а подсистемы, институты и прочие структуры общества имеют прямую и обратную связь с индивидуальной и совместной деятельностью людей.

Таким образом, можно сделать вывод о том, что восприятие идеи гражданского общества - многомерно. Его называют «организмом», «типом общества», «общественным строем» и «социальной системой». Объединяет все эти дефиниции то, что везде говорится об обществе свободных граждан, а государство присутствует как взаимодействующая сторона.

Суммируя основные имеющиеся толкования, можно выделить две основные концепции, лежащие в основе современного понимания данной проблемы. Они сложились исторически и существуют в настоящий момент. Согласно первой трактовке, гражданское общество идентифицируется с государством особого типа, в котором юридически обеспечены, политически защищены и идеологически обоснованы права и свободы личности, в силу чего оно может считаться «цивилизованным», т. е. гражданским (Платон, Дж.Локк, Ж.-Ж. Руссо, И. Кант).

Другая трактовка гражданского общества связана с представлением о нем как об определенной сфере социума – сфере внегосударственных отношений, структур и институтов (Г.В.Ф. Гегель, К. Маркс, А. Грамши, А. де Токвиль, Ю. Хабермас, Ч. Тэйлор). Понимание его как особой сферы социума не означает разделения социального пространства на две отгороженные друг от друга сферы бытия. Гражданское общество не есть арифметическая разница между обществом в целом и государством. Общество слишком сложная система, но оно есть единое целое, и между различными его сферами необходимы взаимосвязь и взаимодействие. Гражданское общество, как и его институты, существует и функционирует в тесной взаимосвязи с политическими институтами государства. Государство в силу присущей ему функции структурирования социальных отношений неизбежно влияет на жизнь частной сферы уже тем, что создает те или иные, благоприятные или неблагоприятные условия для ее развития и функционирования. Гражданское общество выполняет функции «фермента» социума и управления его деятельным бытием, соединения частного и общественного интересов, посредничества между личностью и государством. С одной стороны, оно является полем, на котором разворачивается борьба разнонаправленных частных и групповых интересов, а с другой - активным управляющим фактором этого процесса.

Такая трактовка гражданского общества включает две позиции, основывающиеся на анализе реальности современного постиндустриального развития социума, находящегося в фазе постмодерна.

Согласно первой, гражданское общество есть система независимых и автономных от государства институтов и отношений, основанных на свободе личности, политическом плюрализме и демократическом правосознании. В нем присутствуют не только социально-экономические, но и политические изменения. Соответственно и его институциональная структура включает не только «социальные движения» и другие непартийные общественные организации, но и политические партии, точнее, их непарламентские структуры (в отличие от парламентских фракций или «партий», являющихся органической частью государства).

Согласно другой позиции гражданское общество – это феномен, институциональной основой которого являются социальные группы, организации и движения «неполитического» характера. Эта точка зрения основывается в концептуальном плане на трудах немецкого философа Юргена Хабермаса [см. 4-5]. При таком подходе, гражданское общество рассматривается с одной стороны, как реальное развитие по линии гражданских инициатив новых социальных движений и иной активности подобного рода, а с другой – своего рода исходная база для реализации модели, в рамках которой «коллективная идентичность» или коллективное сознание будет сочетаться с плюрализмом личностных ценностей, а политическая и экономическая подсистемы будут им контролироваться.

В рамках этого подхода подчеркивается значение для формирования основ гражданского движения полуофициальных ассоциаций в сфере экономики и бизнеса, новых, независимых от партии и государства социальных организаций на профессиональной основе (объединения фермеров, предпринимателей, работников интеллектуальных профессий), что является свидетельством усложнения общественной структуры, динамизма и гибкости социально-экономических процессов.

Гражданское общество, с точки зрения социокультурных предпосылок его возникновения, определяется в социальной теории как продукт антропосоциогенеза и развития культуры общества модерна, на основе которых происходит формирование гражданского типа личности.

Понятие «гражданская личность» характеризует особое состояние человека, «впитавшего» в себя лучшие достижения человеческого рода и получившего свою автономию в процессе длительной и упорной борьбы за свое социальное освобождение и духовное раскрепощение. Реальные гражданские права и свободы являются результатом социокультурной эволюции человека, расширения сферы его свободного социального творчества.

Именно «гражданская личность» способна преодолеть непрерывно воспроизводящееся противоречие между системно-формальными требованиями социума и повседневными практиками жизненного мира. Гражданственность не является раз и навсегда установленным состоянием или качеством личности. Это скорее «перманентный зов души», пытающейся удержать «целое» в ситуации шаткого равновесия между коллективистской или «социетистской» ориентацией «системного» мира и индивидуалистической ориентацией «жизненного» мира социума. Гражданственность личности определяется мерой ее нравственного подвижничества и реальной способностью преодолеть ограничения бездушного индивидуализма или «стадного коллективизма». Гражданский этос современного социума характеризуется тенденцией перехода к персоналистической модели социального поведения людей. Поэтому гражданское общество в современной социально-философской теории все больше номинируется как негосударственный модус общественного бытия.

В структурном отношении гражданское общество предстает как довольно сложное и специфическое образование в системе данного конкретного общества. Сложное – поскольку оно включает в себя, пожалуй, все элементы системы «общество», за исключением государства. Специфическое – поскольку связи между элементами, составляющими гражданское общество, построены принципиально иначе, чем в обществе в целом. Если в обществе в целом, и в такой его подсистеме как государство преобладают связи соподчиненные, иерархические, то гражданское общество характеризуется связями горизонтальными и координационными.

Структурообразующий элемент гражданского общества это сеть одноуровневых, рядоположенных общественных отношений: экономических, социальных, территориальных, конфессиональных, этических, языковых и других. Все они тесно связаны между собой, пересекаются, влияют друг на друга, но единой иерархической либо концентрической системы не образуют, оставаясь разными составными частями названной сети общественных отношений и сосуществуя в режиме кооперации.

Общественные структуры гражданского общества не могут существовать без людей, которые и являются носителями данных общественных отношений. Их практической деятельностью оно актуализируется и благодаря ей же, так или иначе, удовлетворяется их особенный, партикулярный интерес, однопрофильный с этим отношением. В осуществлении своего собственного партикулярного интереса, что вовсе не исключает его общественной полезности, заключена миссия отдельных индивидов и коллективов людей, группирующихся вокруг особенных рядоположенных общественных отношений.

Пройдя определенную эволюцию своего развития понятие «гражданского общества» вобрало в себя различные смысловые нагрузки. Исследователи в основном сходятся в определении содержания понятия «гражданского общества»:

- во-первых – это один из объективных этапов развития человечества независимо от национальных особенностей, хотя его структура и не является универсальной для всех стран;

- во-вторых – гражданское общество успешно функционирует там, где опирается на «средний класс» – достаточно обеспеченную, образованную и социально активную часть общества, и между ними существует сильная, позитивная и прямая зависимость, ставшая одним из важных компонентов демократического сознания [1, с. 324-386].

Таким образом, в нестандартных условиях выбора вектора общественного развития в начале XXI века, приходится констатировать, что исследования состояния гражданского общества неадекватны практической и теоретической его значимости.

Постепенно преодолеваются увлечения гражданскими отношениями западного типа, эталоном которых представлялись общественные устои стран Западной Европы или Северной Америки. Появились серьезные исследования о специфике гражданского общества в различных цивилизациях, в отдельных странах или группах стран. Все чаще подчеркивается необходимость:

– профессионального диагноза той деградации общества, которое 20 лет празднует свою независимость, находясь при этом чрезвычайно далеко от ведущих стран мира в отношении обеспечения жизнедеятельности своего населения;

– формирования той модели гражданского общества, которая адекватно отвечала бы своеобразным условиям стран постсоветского пространства и могла бы обеспечить их благополучное обустройство.

Для этого нужны комплексные и системные исследования идеи гражданского общества и путей ее осуществления в нестандартных условиях XXI века.

Источники и литература:

1. Гражданское общество в эпоху тотальной глобализации : монография / науч. ред.: И. И. Кальной, А. В. Горбань. – Симферополь : ИТ АРИАЛ, 2011. – 648 с.
2. Гидденс Э. Элементы теории структуризации / Э. Гидденс // Современная социальная теория: Бурдье, Гидденс, Хабермас. – Новосибирск, 1995. – С. 41.
3. Хабермас Ю. Демократия. Разум. Нравственность : московские лекции и интервью / Ю. Хабермас. – М. : КАМІ; Academia, 1995.
4. Хабермас Ю. Вовлечение другого: очерки политической теории / Ю. Хабермас; пер. с англ. Ю. С. Медведева; под ред. Д. А. Складнева. – М. : Наука, 2001.
5. Резник Ю. М. Гражданское общество как идея / Ю. М. Резник // Социально-гуманитарные знания. – 2002. – № 4. – С. 109-112.
6. Поппер К. Открытое общество и его враги / К. Поппер. – М., 1992. – Т. 1. – С. 217-218.
7. Гаджиев К. С. Концепция гражданского общества: идейные истоки и основные вехи формирования / К. С. Гаджиев // Вопросы философии. – 1991. – № 7. – С. 30.

Масаев М.В.**УДК 930.1****СИМВОЛ КАК КЛЮЧЕВАЯ ТОЧКА ФИЛОСОФСКОЙ АНТРОПОЛОГИИ
(в свете концепции парадигмальных образов и символов эпох, цивилизаций
и народов)**

*Не событиями захвачено всё существо человека, а символами
Андрей Белый*

Постановка и актуальность проблемы. Пятое (первое перестроечное) издание Советского философского словаря дало философской антропологии двойное определение:

- «философское учение о человеке», синтезирующее «объективно-научное и ценностное видение человека и мира» [2, с. 514] – для исследователей-марксистов;

- «синтетическая» концепция человека, учение «о сущности и сущностной структуре человека», «о человеке с точки зрения самого человека» - для М. Шелера, Г. Плеснера, Г. Хенгстенбергера, А. Гелена, П. Ландсберга, Э. Ротхакера; представителей «культурной антропологии» Э. Кассирера и М. Ландмана; представителя «реалистической антропологии» Г. - К. Кальтенбруннера; «философии надежды» Э. Блоха; «абстрактного гуманизма» Э. Фишера и прочих вариантов «буржуазной философской антропологии» [2, с. 514].

Сейчас, когда вся философия на постсоветском и постсоциалистическом пространстве стала вполне «буржуазной», всю философскую антропологию можно определить не как философское осмысление науки антропологии, а как учение о природе (сущности) человека.

Поэтому, развивая идеи Мераба Мамардашвили, можно сказать о философской антропологии следующее: поднятый мыслью Карла Маркса пласт реальности, обнаживший массив «новых предметных переплетений и зависимостей», это «геологическое обнажение» [6, с. 249] стало объектом освоения сначала в «ложной форме» (феноменологами, экзистенциалистами, психоаналитиками и др.) [6, с. 251], а затем и более или менее адекватно всем философским миром.

Актуальность работы заключается в том, что социум транзитивного периода пребывает в ситуации исторических вызовов, на которые очень трудно найти адекватный мироустроительный ответ. Поиски же ответов на эти вызовы оборачиваются неадекватными решениями в повседневной жизни, которые влекут за собой непредвиденные последствия в форме военных конфликтов, «столкновений цивилизаций» и т. п. Всё это заставляет философов и историков, политологов и социологов задумываться над вопросами, что же переживает сейчас человек, «звёздный час или последний миг». Знаменитое, ставшее символическим высказывание «всё перевернулось как на гончарном круге» заставляет пересматривать старые образы и символы, проводить их своеобразную ревизию.

Осознанно или неосознанно, образы и символы используются историческими личностями в качестве эффективного инструмента в их деятельности и, прежде всего, в достижении власти или удержании её. Но учёные, как правило, не придают этому особого значения, а политики об этом умалчивают.

Роль образов и символов в историческом процессе возрастает многократно в условиях, когда политические деятели вынуждены всё больше и больше диссимулировать стоящие за ними национальные, классовые, геополитические, макро- и микроэкономические и прочие интересы.

История и политика повелительно требуют от практической философии исследовать такой фактор исторического процесса как символ. Особенно интересен символ как предмет исследования такого раздела философии как философская антропология.

Объект исследования – философская антропология.

Предмет – символ как ключевая точка философской антропологии в контексте постижения парадигмальных образов и символов эпох, цивилизаций и народов.

Новизна исследования состоит как раз в том, что проблема символа как ключевой точки философской антропологии в контексте постижения парадигмальных образов и символов эпох, цивилизаций и народов рассматривается впервые.